

Е.Лансере. Цесаревна Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца в ночь на 25 ноября 1741 года.

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 6

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 6

I.V. Kurukin

**The Era of Palace Revolutions: Historical Essays
on the Politics of Post-Petrine Russia, 1725-1762**

Riazan

2003

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Новейшая российская история: исследования и документы

Том 6

И.В. Курукин

**Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории
послепетровской России, 1725–1762 гг.**

Рязань

2003

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)
P. Tribunskii, Fine Arts Lyceum, Riazan' (Russia)
D. Wulff, German Academic Exchange Service (DAAD) / Voronezh State University (Germany / Russia)

Editorial board

B.V. Anan'ich, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Russia)
T. Emmons, Stanford University (USA)
G.M. Hamburg, University of Notre Dame (USA)
M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)
S. Merl, Universität Bielefeld (Germany)
S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)
Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
A.B. Sokolov, Iaroslavl' State Pedagogical University (Russia)
A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Немецкая служба академических обменов / Воронежский государственный университет (Германия / Россия)
С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)
П.А. Трибунский, Лицей искусств, Рязань (Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)
А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)
М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)
Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)
А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический университет (Россия)
Г.М. Хамбург, Нотр-Дамский университет (США)
Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

УДК 9(с)143-144 “1725/1762”
ББК 63.3(2)464
К-938

The publication of this monograph was made possible by support from the Institute for Scholarship in the Liberal Arts, College of Arts and Letters, University of Notre Dame.

Курукин И.В.

К-938 Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. — Рязань, 2003. — 570 с., ил. — (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 6)
ISBN 5-94473-005-6

Работа посвящена исследованию «эпохи дворцовых переворотов» 1725-1762 гг. и прежде всего механизму появления самих дворцовых переворотов в рамках российской самодержавной монархии после преобразований Петра I. На страницах книги подробно рассматриваются события, связанные с престолонаследием в 1725, 1727, 1730, 1740-1741 и 1762 гг.; зарождение, формы проявления и эволюция дворцовых переворотов как особого способа разрешения противоречий внутри правящей элиты и ее конфликтов с императорской властью. Прослеживаются судьбы главных героев и участников этих событий на протяжении эпохи, а также роль и место в дворцовых переворотах гвардии как особой дворянской корпорации, принимавшей участие в системе управления государством. В приложении к работе помещен список руководителей центральных учреждений Российской империи и губернаторов за 1720-1770 гг. Издание предназначено для специалистов-историков и всех, интересующихся отечественной историей.

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или ее любой части (в том числе в электронном виде) без письменного разрешения автора, издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-94473-005-6

- © И.В. Курукин, 2003
- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003
- © С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003
- © П.А. Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003

ВВЕДЕНИЕ

«Рассматривая летописи российской истории XVIII столетия, с изумлением замечаем чудесные превращения счастья. Воцарение каждого государя низвергает возвышенных властью предшественника и мощной рукою старается возвеличить наперсников нового повелителя. Видя жестокие примеры, как все любимцы счастья и другие мужи деловые, государственные, каждый в свою череду, или погибал, или падал в ничтожество, все умы, естественно, объаты были невольным страхом, всякое дарование и благородное честолюбие должны были исчезать во мраке неизвестности», — так образно охарактеризовал неизвестный нам автор целую полосу в жизни страны, наступившую вслед за петровскими реформами.¹ С 1725 по 1762 гг. на российском престоле сменились семь императоров и императриц, наследников Петра I, чье «восшествие» и правление сопровождалось большими и малыми дворцовыми «революциями».

С легкой руки В.О.Ключевского название «эпоха дворцовых переворотов» прочно закрепилось за этим периодом.² Но Ключевский отметил и то, что «дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, выходявшее далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивая самые основы государственного порядка».³ Однако выделенные историком «новые явления в нашей государственной жизни» — такие, как выдвижение гвардии в качестве особой «государственной корпорации»; «политические настроения» дворянства и динамика их развития — до сих пор не стали предметом целостного анализа.

Зато в литературе по-прежнему присутствуют мифы о том, что послепетровская эпоха — это время «засилья иностранцев», «контрреформ» и отступления от заветов Петра I,⁴ когда враждебные преобразованиям силы стремились установить «олигархический строй» или даже «старые формы власти». Эти устойчивые стереотипы воспроизводятся даже в работах самых последних лет, казалось бы, уже свободных от прежних догм и установок.⁵ Можно встретить и противоречивые утверждения о том, что силовые методы борьбы за власть отсутствуют «в политической традиции России»⁶ или, наоборот, являются «давней исторической традицией».⁷

Изучение послепетровского политического режима позволяет раскрыть причины, породившие кризисные явления в механизме верховной

власти Российской империи, которые воспринимаются как характерная черта российской политической культуры нового времени.⁸ Обращение к этой теме определяется востребованностью исторического опыта проведения реформ в России при особой роли самодержавия, которое надолго оставалось «единственным гарантом эффективности управления, правосудия, мерой всех и вся в государстве»,⁹ — и, добавим, в этом качестве успешно воспроизводилось в новых исторических условиях, как и повышенная роль неформальных отношений в политической борьбе при незрелости институтов правового государства.

Ведь и в начале XXI столетия «реликты средневековья (воспринимаемые — подчас бездумно — как исконные начала общественной психологии) ... во многом определяют реальное значение неформальной структуры власти, порождают зыбкость и непредвиденную изменчивость правового статуса высших учреждений и распределения полномочий внутри реально правящей элиты»; равно как и общественные представления о государственном строе России, пришедшие еще из средневековья, остаются во многом характерными для общественного сознания россиян.¹⁰ В этом смысле история заговоров и переворотов помогает разобраться в социальной психологии людей той эпохи, социокультурных механизмах функционирования власти, представлениях о ней в обществе, взаимодействии небольших групп и отдельных лиц в политике — что свойственно для современных подходов к изучению политической истории, которые условно можно назвать «политической антропологией».¹¹

В свое время один из героев братьев Стругацких жалел, что в учебных заведениях Земли не проходил «курс феодальной интриги», так понадобившейся ему при исполнении миссии в средневековом обществе. Сейчас изучение заговоров, переворотов и других подобных элементов политической культуры уже признается вполне заслуживающим внимания со стороны академической науки, свидетельством чего является сборник исследований такого рода, посвященный политическим интригам и переворотам на Востоке.¹² Отечественная же «эпоха дворцовых переворотов» остается до сих пор «темным периодом» или даже «историографической черной дырой».¹³

Наша работа отчасти восполняет пробел в историографии и заставляет пересмотреть целый ряд закрепившихся в ней представлений, касающихся последствий петровских преобразований. В центре изучения находится серия политических событий 1725, 1727, 1730, 1740—1741 и 1762 гг., традиционно носящих в историографии название «дворцовые перевороты»: переходы престола к одному из претендентов сопровождались конфликтами в правящих кругах, устранением с политической сцены министров-временщиков или даже самих государей и утверждением у власти новых придворных группировок.

Мы понимаем известную условность хронологических рамок исследования (1725—1762 гг.), т.к. проявления политической борьбы в «верхах» имели место и до, и после указанных временных границ. Работа содержит экскурсы в «переворотные» сюжеты допетровского времени и XIX—XX вв., однако события 1801 г. все же оставлены за рамками исследова-

ния, что в какой-то степени извиняется наличием серьезных исследований этого сюжета.¹⁴

Основная цель исследования состоит в установлении закономерностей появления, функционирования и развития феномена дворцового переворота в отечественной политической истории, что необходимо для подтверждения выделения периода 1725—1762 гг. в качестве особого этапа развития отечественной модели самодержавной монархии. Мы попытались установить причины серии дворцовых переворотов в контексте развития российской государственности. Предложена типология дворцовых переворотов в зависимости от их целей и круга участников; прослежено влияние политической борьбы на кадровый состав государственного аппарата: изменения персонального состава руководства коллегий, ряда других центральных учреждений и губерний Российской империи; сделана попытка выявить связь «переворотных» действий с различными уровнями политического сознания российского дворянства.

Ключевым понятием в работе является «дворцовый переворот». Современники самой «эпохи дворцовых переворотов» именовали их «великим и редким делом», «предприятием», «переменной».¹⁵ Неизвестный русский мемуарист употреблял целую гамму слов: «заговор», «смелое» или «дерзновенное предприятие», «вступление в правление», «счастливое событие», «перемена», «удар».¹⁶ Историк М.М.Щербатов в отношении вельмож предпочитал говорить о «падении», а переворот 1762 г. определял как «возмущение».¹⁷

Появился для обозначения явления и термин «революция» (со значением «серьезное изменение», «отмена»).¹⁸ По-видимому, такое понятие стало наиболее употребительным в России: так характеризовали события 1762 г. и автор популярного сочинения о перевороте 1762 г. француз К.Рюльер, А.Р.Воронцов, А.Т.Болотов и Г.Р.Державин.¹⁹ Однако в русский язык XVIII столетия это слово не вошло; словарь Российской Академии (под редакцией самой Е.Р.Дашковой) и другие словари того времени его (как и русский синоним — «переворот») не содержат.²⁰

В то же время писавшие по-французски авторы употребляли применительно к российским реалиям 1740—1741 гг. термин «coup» («удар»), «coup d'état» или «revolution»; как синонимы их использовал Фридрих II.²¹ Екатерина II всячески избегала какого-либо определения совершенного ею переворота; но в письме на русском языке (10 июля 1764 г.) к Н.И.Панину охарактеризовала неудавшуюся попытку В.Мировича возвести на престол Ивана Антоновича как «дешператный и безрассудный coup».²² Таким образом, язык самой эпохи, по-видимому, не знал четких определений и границ явления. Можно, пожалуй, выделить только одну закономерность: указанные выше понятия «coup», «coup d'état» или «revolution» применялись только к переворотам 1740—1741 и 1762 гг.; предыдущие политические конфликты 1725, 1727 или 1730 гг. ни отечественными, ни зарубежными авторами так не характеризовались.

Впервые использовавший понятие «дворцовый переворот» применительно ко всем известным акциям такого рода в XVIII в. С.М.Соловьев,²³ по-видимому, не придавал ему особого значения и употреблял параллель-

но такие обозначения, как «заговор», «восстание», «переворот», «правительственный переворот», «свержение», «переворот в правительстве» даже по отношению к одному и тому же событию 1762 г.²⁴ Ключевский использовал термин «дворцовый переворот» по отношению ко всем «силовым» акциям по занятию трона в 1725–1762 гг., но при этом события 1730 г. определял как «движение», а воцарение Елизаветы — как «гвардейский переворот». Одни и те же события называл «дворцовым» и «государственным» переворотом и С.Ф.Платонов. М.М.Богословский считал «государственными переворотами» только события 1741 и 1762 гг.²⁵ В современной научной литературе также отсутствует единое понимание и определение интересующего нас понятия.²⁶

В западной политологической терминологии формула «*coup d'état*» (государственный переворот) подразумевает неконституционный и большей частью насильственный захват верховной власти каким-либо лидером или группой лиц. Однако употребляется данный термин преимущественно по отношению к политическим системам нового и новейшего времени (XIX–XX вв.), преимущественно в «незападном мире» (Африка, Латинская Америка) и не включает российскую практику XVIII столетия.²⁷ Применительно же к российским реалиям в работах современных западных историков употребляются либо традиционное понятие «*coup*», либо кальки с русского — «*palace coup*» или «*palace revolution*» («*Palastrevolution*»), применяемые не только при характеристике переворотов 1740–1741, 1762 и 1801 гг., но и по отношению к политическим кризисам 1725 и 1730 гг.²⁸

Мы считаем необходимым, вслед за В.О.Ключевским, более дифференцированно подходить к известным политическим событиям XVIII (и не только) столетия. Во-первых, предлагается все-таки разделить понятия «дворцовый» и «государственный» переворот: последний означает какое-либо изменение существующего политического строя («формы правления»), тогда как первый меняет только фигуру правителя. В связи с этим мы полагаем вполне обоснованным суждение о том, что к числу дворцовых переворотов необходимо причислить и вполне «переворотные» смещения ключевых фигур, подобных Меншикову или Бирону.²⁹ Во-вторых, нам представляется, что терминологическое разнообразие самих источников XVIII столетия предполагает присутствие важных для современников отличий, достаточных для того, чтобы под привычной для нас формулировкой «дворцовый переворот» видеть явления не вполне тождественные и к тому же претерпевавшие в своем развитии определенную эволюцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.475.

² Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. /Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 2001. Кн.1. С.727.

³ Ключевский В.О. Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.236,238.

⁴ См.: Каменский А.Б. Судьба петровских реформ (1725–30) // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999 /Ed. by J.Klein. Köln-Weimar-Wien-Bohlau, 2001. P.55.

⁵ См.: История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.108,118,120–121.

⁶ См.: Политическая теория и политическая практика: Словарь-справочник. М., 1994. С.224; Политология на российском фоне. М., 1993. С.292.

⁷ См.: Глазунова Н.И. Феномен насилия в русской истории // Военное насилие в политической борьбе. М., 1994. С.12.

⁸ См.: Dixon S. The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P.15.

⁹ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С.292.

¹⁰ См.: Шмидт С.О. Средневековье в государственном строе России // Международная научная конференция «Государственное управление: история и современность» (29–30 мая 1997 г.). М., 1998. С.11–12.

¹¹ Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Изв. 2001. Вып.4 (122). С.374.

¹² См.: Политическая интрига на Востоке. М., 2000.

¹³ См.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. М., 1999. С.176–177; Dixon S. Op. cit. P.25. Специальное историографическое исследование по проблеме российской абсолютной монархии выделяет как более или менее разработанную тему только события междуцарствия 1730 г. (см.: Попов Д.Ф. Проблемы российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С.92).

¹⁴ См.: Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901; Брикнер А.Г. Смерть Павла I. СПб., 1907; Окунь С.Б. Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе // ВИ. 1973. № 11. С.34–52; он же. Борьба за власть после дворцового переворота 1801 г. // Вопросы истории России XIX — начала XX вв. Л., 1983. С.3–15; Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России, конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982; Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996; он же. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.

¹⁵ См.: Империя после Петра, 1725–1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.33,37–39,162,259,438.

¹⁶ См.: Перевороты и войны. С.457,470–472.

¹⁷ «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.87,118.

¹⁸ См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т.2. С.105.

¹⁹ См.: АКВ. М., 1881. Кн.21. С.52–53,56,59,68; Болотов А.Т. Записки, 1737–1796. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1. С.400; Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С.34; Записка графа А.Воронцова о России в начале XIX в. // ЧОИДР. 1859. Кн.1. С.96. См. также воспоминания Х.-Г. Манштейна и Е.Р.Дашковой (Перевороты и войны. С.193,197–198,204,210).

²⁰ См.: Нордстем И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1782. Ч.2; Словарь Академии Российской. СПб., 1793–1794. Ч.4–5. В русских словарях термин «революция» появился с начала XIX в. (см.: Черных П.Я. Указ. соч. С.105).

²¹ См.: Friedrich II. Politische Correspondenz. Berlin, 1879. Bd.1. S.120,438.

²² Дворцовые перевороты в России, 1725–1825. Ростов н/Д., 1998. С.417.

²³ См.: Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.XI. С.12.

²⁴ См.: Там же. С.26,29,96,99,100,103,108; 1994. Кн.XIII. С.61,73,74,82,85,98.

²⁵ См.: Богословский М.М. История России XVIII в. (1725–1796 гг.). М., 1915. С.161,195; Ключевский В.О. Указ. соч. Т.4. С.238,245,271,278,327; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С.543,552,557,560.

²⁶ Е.В.Анисимов использует «дворцовый» и «государственный» переворот как синонимы, но добавляет к ним еще и «военный», каковым, по его мнению, было столкновение группировок в 1725 г. А.Б.Каменский полагает, что все дворцовые перевороты могут быть названы государственными, поскольку их осуществление означало «смену персонального состава правящей верхушки» (См: Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994. С.27,476–477; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.153,157; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. С.165).

²⁷ См.: The Encyclopedia Americana. N. Y., 1969. Vol.8. P.99; The New Encyclopedia Britannica. Chicago, 1993. Vol.25. P.1012,1024.

²⁸ См.: Anderson M. Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180; Dixon S. Op. cit. P.15; Dukes P. The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.107; Russia. A History /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.107,128; Talbot Rice T. Elizabeth Empress of Russia. N. Y., 1970. P.45,54,59; The New Encyclopedia Britannica. Vol.1. P.425; Vol.4. P.455; Der Grosse Brockhaus. Leipzig, 1933. Bd.14. S.75.

²⁹ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.3. С.252.